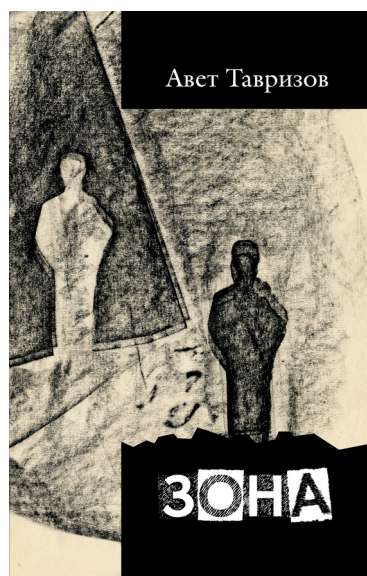

Авет Тавризов

Зона

«ПЦ Александра Гриценко»

2011

Тавризов А.

Зона / А. Тавризов — «ПЦ Александра Гриценко», 2011

ISBN 978-5-457-14427-9

«Уважение – это не мифотворчество, когда поражению приписывается победа, а бездарности и трусости начальства героизм, а глубокое научное изучение реальной истории и анализ, со всеми ее плюсами и минусами – той истории, которую нам Бог дал. Это изучение истории во всей его полноте, когда наглядно видно, как органично вливается в общий процесс история каждой семьи, когда изучение истории должно происходить как диалог не только на государственном, но и на семейном общечеловеческом уровне, тогда это коснется каждого. Именно этот диалог станет краеугольным камнем национальной идеи, в основе которой будут лежать простые, доступные и понятные каждому российскому сердцу аксиомы, те основополагающие истины, за которые достойно умереть, отстаивая их...» Рисунки Александра Ратновского.

ISBN 978-5-457-14427-9

© Тавризов А., 2011
© ПЦ Александра Гриценко, 2011

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	12
8	13
9	14
10	15
11	16
12	17
13	18
14	20
15	21
16	22
17	23
18	24
19	25
20	26
21	27
22	28
23	29
24	30
25	31
26	32
27	33
28	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Авет Тавризов Зона

1

Эта страшная
Темная сила
Наполняет меня как дым,
Отравляет меня
И насилует,
Провоцируя на стихи.
Все пропитано
Жаждой предательства
И вокруг бивуаки врагов.
Лишь стихи,
Как почтовые голуби
Из осадных летят городов.

2

В перевернутом мире живем,
Жизни путь разрывая на части,
След звезды, – знак беды и несчастий
По ночам у окна стережем.
Отражаемся в ржавой воде,
Не лицом, а изнанкой порока,
В перевернутых досках родного порога
Кровь и слезы непрожитых дней.
В перевернутом мире моем
Человечность по волчьим законам.
Здесь порядочность правит террором
И каждая туша убитой коровы
Закамуфлирована под колбасу.
Но в последнем припадке отчаянья,
Отсылая к Богу гонца, —
Куполами в небо врезаются
Перевернутые сердца.

3

Опасная зона – проход воспрещен.
Иду вдоль по кромке каната.
Мечты – воздвигаемая громада
Заканчивается лопнувшим миражем.
Не преступи запретную черту,
Не проскользни в объятья мирозданию,
А стань, как акробат над пропастью,
И тайну
Причастия святого не предай.
Не предавай
Святое откровенье,
Не отрывай с души
Любви печать.
В опасной зоне с силой притяженья
Не совладать.
В ней скрыта мудрость
Таинства обряда,
Загадка снов и слов дешевый смысл,
В опасной зоне сладкая отравка,
Пригубь ее – и перестанешь жить.
В опасной зоне сила откровенья,
Она несет опасность и беду.
Не оскверню
Я зону посещеньем,
Лишь в со
прикосновение
Войду.

4

Раздваиваюсь в хрупком витраже.
Несу печать и тайну соучастья
Тому Великому и Вечному,
Что счастьем извечно называлось на земле.
Какие встречи подготовит жизнь, —
Тот отразится в фас, а этот в профиль,
А сам витраж пугающе огромен
И неконкретна странность бытия.
В беспечном счете проходящих дней,
В далекой, вечной жизни завитражья
Стекла холодное мерцанье
Мое прикосновение хранит.
Я тайну соучастия сберег,
Познав иное время и пространство.
Весь путь туда и возвращенье счастье —
Лишь миг свидания
И сальный след ладони
На ускользающей поверхности стекла.

5

Все что будет – уже позади.
Все что было —
И не
начиналось,
Отраженьем Вселенной сверкала
Медь литавр и военной трубы.
Звуки музыки плыли в толпе
Отражением мира иного.
Кем-то вдруг оброненное слово
Принимало таинственный смысл.
Уходящий куда-то оркестр,
Уносящий в себе отражение,
Возвратится в воображеньи,
Отразившись в оконном стекле.
Звуки музыки вновь оживут
Отражением мира иного.
И оркестр, и Вселенная снова
В этот мир отразившись войдут.

6

Над черным трауром тротуаров
Венком искусственным
Раскрашенная жесть.
Стянута проволокой
Чуть заржавленной,
Случайная смерть.
Медные листья ущербно – трехпалые
В гроздьях фальшивых цветов,
Картами, наскоро краплеными,
Слезы на лицах вдов.
Последним прощаньем процессия
Тянется медленно в сон,
Цокают неестественно
Подошвы сапогов.
Наскоро кончив прощанье,
Крышкой захлопнут лицо,
Гвозди забьются намертво
Шляпками
За
подлицо.

7

Я в этом котле, я в этой каше
Варюсь, изрыгая навар.
Словами фальшивыми
Не обескуражен —
Выму
чи
ваю
Поэзию волчьих ям.
Курок
Самострела задену,
Спускаясь тропой к водопою.
И мертвое грешное тело
Расстанется с вечной душою.
В далеком созвездии
Млечном,
Над чистой чертой горизонта
Взойду, как звезда беззаботно,
Сияющей точкой холодной.
И сверху – всевидящим взором,
Окинув просторы вселенной,
Я землю увижу и цену
Познаю земному блаженству...
Земному, зеленому раю,
Дождями умытому маю,
Январ
скому
Холоду утра,
Где нужно бежать, задыхаясь,
За змеем с хвостом из мочала.
И жизнь закружится
Сначала.

8

Здравствуйте, здравствуйте, Осип Эмильевич.
Как Вам живется на брошенном прииске?
Ваша душа, облетая бараки,
Ищет поэзии ритмы и знаки.
Тщетно Вы тычетесь ангелом шалым
В двери бараков давно обветшалые.
Полузабытые жизни страницы
Ветер листает в оконных глазницах.
И даже глубины космической дали
В ритме поэзии Вам отказали.
Здравствуйте, здравствуйте, Осип Эмильевич,
Зря Вы стараетесь сбить по крупицам
Прошлых, отчаянных дней небылицы.
Неискушенные братья в поэзии
Вас принимали за черного гения,
Не говорили Вы с ними стихами,
Проза блатная была между вами.
Проза барачная, проза гнилая,
Пища отравлена в чаше отчаянья.
Горький на нарах
Смысл мироздания.
Здравствуйте, здравствуйте, Осип Эмильевич,
Знаете Вы, как никто из поэтов
В тихом смиреньи отсутствует гений.
Вечно живете во мне и в безвременьи
Вольноотпущенник
Стра
шного
Времени.

9

Воронеж – ржавые ворота,
Один на всех автомобиль.
С покатых крыш домов одноэтажных
За ворот капает капель.
Не четко выраженным словом
Вчера зачитан приговор,
И четко вычеканенный профиль
Для «Дела» щелкнул «фотокор».
Весной отравлен и простужен
В Воронеж въехал на постой.
Почти убит, но не
Обезоружен,
Как древнегреческий герой.
Там гам базарного надсада,
Колонн кирпичных торжество.
В пыли старинного посада
Стихи писать приговорен.
Все позади —
Условно время,
Ассоциаций груз иссяк,
А впереди одни сомненья
И близок срок небытия.
Но независимая муза
Удачный совершив подлог,
Создаст в Воронежской тетради
Непревзойденный, четкий слог.

10

На плаху
Отца и Сына —
Да здравствует вечный дух.
Воротами в рай —
Гильотина,
Глашатаем —
Красный петух.
Над хламом забытых кочевий
С гниющими трупами крыс,
Мечутся
Зачумленные
Стаи мыслей и птиц.
Там факел рукой безразличной
В солому оставленных хат.
Там в яростной рукопашной
От смерти
Спасает мат.
Там поднятой вверх рукою
Встречают спустившихся в ад.
И нет никого,
Кто прежде
Был в чем-либо
Не
виноват.
Ступень окровавленной плахи
Скрипит под ногой палача,
И знаешь теперь, что иначе
Прожить эту жизнь нельзя.
Там в память живущих потомков
Ворвется, разрушив покой,
Осколок заржавленной бомбы,
Как месть непрожитых годов.
И лопнет беззвучно, как в сказке,
Как ложь в воспаленном мозгу,
В недоуменно разведенных руках
Мыльный пузырь детства.

11

Тем, кто вышел из войны,
Им другой войны не надо,
Им солдатская награда
Стоит больше, чем рубли.
Те, кто вышел из войны,
Говорят, что было трудно
На войне – ежеминутно,
Но трудней – после войны
Жить под мирным вышло небом.
Тем, кто вышел из войны,
Взял на день буханку хлеба
И разрезал на куски.
Старшина погиб в разведке,
Ну а я,
Как курва в клетке,
Строить должен пятилетки,
Зараба
тывать
Рубли.
Тех, кто вышел из войны,
Их совсем осталось мало,
Грубым словом их не трожь.
Из трофейного кинжала
У меня в кармане нож.

12

Сиянья северного солнца
Напрасно силились согреть
Мороз трескучий Княж-погоста
И карцер под названьем «смерть».
Здесь три кольца колючей смерти
Кольцуют три барака тесных
Над трижды проклятой землей.
Здесь три дороги застревают
В воротах с надписью
ГУЛАГ.
Дорога – жизнь,
Дорога – смерть,
Дорога – враг.
Здесь небо вылинявшей тряпкой
Висит печально на удавке.
Здесь вологодскому конвою
Дано уставом много прав, —
Казнить и миловать, – и просто —
Лицом в растаявшую грязь.
Шаг влево – вправо,
Прыгнешь вверх, —
Здесь все считают за побег.
Здесь за этапом,
Между прочим,
Выстрел за выстрелом
Хохочет.
Хохочет зло,
Хохочет дерзко,
Как вызов совести советской.
Здесь только ночь,
Иллюзии даря,
Несет ладони полные тепла.

13

Караганда, Караганда,
Зовут родные голоса.
Зовут прийти и помянуть
Всех тех,
Кого уж не вернуть.
Всех тех,
С кем рядом мог ты быть.
Всех тех,
Кого не смог забыть,
Когда в горяченном бреду
Ты проклинал Караганду
Ты звал Инту
Прийти к себе,
С ее прозрачною водой,
С ее рекой.
Ты засыпал и видел сон,
К Инте припав горячим ртом.
Зубами рвал
Хрустальный звон
Воды весенней, ледяной.
Проснулся —
Полон рот песка —
Интой была Караганда.
На нарах
В сумрачном бреду
я
Проклинал Караганду.
Ее жару,
Ее этапные пути
В бреду под солнцем
Без воды,
Ее пески.
И не смотри по сторонам,
Иначе
ты
Увидишь там,
Как это видел я тогда...
Торчала женская нога,
Подсинивая цвет песка
Свободомыслием чулка.
А рядом смуглая рука,
Пробив отчаяньем бархан,
Последним стоном кулака,
Сказала мне: «NO PASARAN».
Но этот цвет и сердца стон

Карагандою поглощен.
Караганда, Караганда,
Заснуть ночами не дают
Ушедших братьев голоса.
И я в конвое над рекой
Иду Интой и Воркутой.
Я строю Беломор-канал,
Чье дно костями выстилали
Враги народа,
Но потом —
Все оказались
Не причем.

14

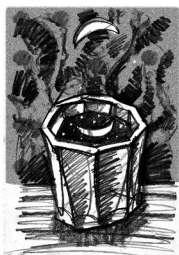
Тоска шлифует тротуары
Подошвами усталых ног,
На городские писсуары
Железом лег мочи налет.
Не прекращен ни на минуту
Условный счет часов и дат,
И цвет морского перламутра
В глазах затравленных собак.
Как зубья сломленной гребенки,
Неровен контур городов.
Разбухли шляпные картонки
В помойках проходных дворов.
В грязи осеннего ненастья,
Как по стеклу скользит нога.
Плевок
— Как слиток серебра —
И в отраженьи луж и стекол
Собор готический
Растекся.

15

Карусель, карусель, – суета балагана,
Детства памятный день на коне догоняю.
Круг за кругом летит мой недвижимый конь,
Развевается флаг и не гаснет лампада
Даже днем под иконой Марии Святой,
Та,
Что в доме напротив
И скромно и свято
Челове
чества
Вечную юность
С любовью держа у груди,
С каждым кругом со мной
Повстречается взглядом,
Провожая на новый отрезок пути.
Жизнь моя – карусель,
В суете балагана
Балаганщик,
Крутящий свою карусель,
Крикнет мне, чтоб напомнить и время и дату
Уходящих и вновь возвратившихся дней.
Пролетаю, тараня невидимый воздух,
Ощушаю сознаньем беду перемен,
И, как прежде стремясь на исходную точку,
Возвращаюсь упрямо
В сегодняшний день.

16

Шинами прошуршали машины по шоссе.
Я ли тебя не увижу во сне,
В очереди черной,
Стоящей за женщиной в черном.
Ты ли во мне откликнешься
Криком зовущим
В зимнем замерзшем лесу —
Я принесу нежность, как пайку
За проволоку колючую
В тайне.
Нежность согреет
В очереди черной.
Но где же
Та —
Женщина в черном?..

17

Эта станция метро,
Странно названная птицей,
На окраине столицы
Ловчим соколом легло,
И помнит старое метро
Как в те,
Октябрьские дни,
Собою прикрывая близких,
Одни
Стояли надолбы и рвы
На ближних подступах к столице.
Цвет институтов и профессура
На поле лежали, от страха зажмурясь.
Недолет – перелет засекая,
Поправку на смерть в уме вычисляя.
Эта смелость и отвага
У отчаявшихся есть,
Как один вперед шагая,
На сознательную смерть.
Вот уже постов не стало,
Нашпигованы взрывчаткой
Все ближайшие мосты.
– Неужели все пропало? —
И винтовки, как кресты
На плече несли устало.
Все конечно понимало это
Мудрое метро,
Под землею обнимая
Ледяное полотно.
И принимая все как есть,
И понимая все как будет,
А умирая так —
Как жил,
Небо черное России
Сокол
Крыльями чертил.

18

Что нам гильотины и эшафоты,
Когда летим мы
Сквозь вечные штормы,
Сквозь вечные бури,
Сквозь вечные войны.
И в этом движении вечном,
Препятствий не огибая,
К замочным скважинам жизни
Познания ключ примеряем.

19

Мне всего лишь одно
Утешенье дано,
Оторвавшись от бренного мира, —
В высших сферах свое
Очищенье найти,
И вернуться назад
Пилигримом.

20

На чердаке в три слоя пыль.
Здесь прячутся мои причуды.
Приют от бесконечных свар.
Гнездо осиное
И медный, позеленевший самовар,
Давно трубу не греет печь,
Век холодны ее уступы.
Сквозняк случайный слабо шевелит
Уснувших мух сухие трупы.

21

Клюкву клевали птицы,
Я собирал и в рот.
Скулы сводило кисло
Соком былинных болот.
Долго тот день длился.
Осень высвечивала лес.

22

Мы цирковые, – а вы какие?
Мы каждый вечер в огнях манежа.
Все остальные – в тени партера.
Прогон закончив,
Умоюсь потом,
Ну, а потом —
Как всегда работа.
Под куполом цирка комедия драм —
Манежа опилки смягчают удар.
И круг, как монета – как тот золотой,
Летящий со звоном на карточный стол.
Где буби и черви идут напролом,
А зрители черти, и ад – этот дом.
И боль от ударов, и ноет хребет,
В кровавых мозолях расплавлен свинец.
Уйду оглушенный, не слыша похвал.
Улыбки актеров, но снова я там.
И снова ошейник манежа – мой дом.
Я снова на сцене, – иду напролом.
Манежа опилки смягчают удар.
И цирк опустевший —
Комедия драм.

23

Я разматываю лабиринт
Твоего дактилоскопического отпечатка.
На стакане воды в пустыне
Я запутался в паутине любви
Между двух белых берез
В светлом лесу.
Я весь в скарлатине горю,
Воздуха, чистого воздуха
Зубами кусок оторвать,
Авансом,
В счет будущего искупления,
Слово позволь сказать.
Прошу,
Умоляю,
Только не прогоняй
Сквозь строй загнанных лошадей.
Долг
Заплачу
Развалинами городов
И гулкой тишиной площадей.
Флаги на ветер,
Буйный ветер
Рвет и полощется ткань.
Брошу под ноги всю Вселенную,
славно осеннюю марь.
Грани бриллиантов ничтожны,
Блеск их —
Всего лишь свет.
Только твое отражение в зеркале
Рассыпалось
Звоном
Монет.

24

Клянусь завитком барокко
И строгостью классицизма —
Ничто не вечно под солнцем,
Кроме авантюризма.
Кроме любви к искусству,
Кроме борьбы за власть,
Кроме желания вечного,
Заново все открывать.
Вечно детей рожденье,
Вечно точку карандаш.
Вечное все под солнцем,
Что уживается в нас.

25

Так просыпается Москва
Так просыпается столица
Под небом сумрачным и мгlistым
Идет безликая толпа —
Так просыпается Москва.
На сером серый не заметен,
Они стекаются в одно,
Когда сливаются отвесно
В трубу глубокую метро
А под землей непостоянство,
Наивной глупости урок
В преодолении пространства
Длинною в сто газетных строк.
Какие виды за окном,—
То лампочка мелькнет, то кабель,
И станций новые названия
Прочитываются с трудом.
Над белым мрамором полов
Пылятся бронзовые свечи
И плечи серые голов
Пока не отделены от шеи.
Выносит лестница наверх
Тяжелый дух подземных странствий,
И солнца ржавое пятно,
Как гвоздь забит
Над серой станцией.

26

Половина пути от рожденья до рая,
Позади —
Половина впервые протоптанных троп,
И пернатая истина вроде в кармане,
И снаряды врагов, — недолет перелет,
В середине пути от рожденья до рая
Повезет —
Наконец,
Верный шанс получить
Отпустив на свободу кораблик бумажный,
С завещанием долго и праведно жить.
Половиной пути от рожденья до рая
Отмечаю счастливую,
Новую жизнь,
Непроторенным тропам себя доверяю
За условной чертой под названием жизнь,
Серединой пути от рожденья до рая
Отбиваю черту состоявшихся дней,
Только чувствую запах горячего ада
Впереди —
За загадкой непрожитых дней.

27

Я плыл сквозь дождь,
Преодолеть течение пытался,
И несмотря на то,
Что так старался
Пробоина в борту давала течь.
И ночь была
И день,
И я старался
Во что бы то ни стало превозмочь,
Наперекор всему
Самим собой остаться,
А не на дне реки окончить
Этот путь.
Но вдруг..... Знакомый
Длинный звук,
Со стороны другой раздался,
Меня позвали,
Чтобы я остался
Понять, —
Что мир един и нет разлук.
И с неба дождь и струи по земле
Соединились в ритме всепрощенья,
И понял я,
Что горечь поражения
Не в сущности, а в суете.

28

Кислый дым от горелого бука,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.